

© 1998 г. Х. ШУСТЕР-ШЕВЦ

**К ВОПРОСУ О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ПРАСЛАВЯНСКИХ
АРХАИЗМАХ В ДРЕВНЕНОВГОРОДСКОМ ДИАЛЕКТЕ
РУССКОГО ЯЗЫКА**

Древнерусские языковые реликты, обнаруженные в древнем Новгороде и написанные на коре березы (берестяные грамоты), вызвали в последние годы сенсацию и даже некоторый шок в славянском сравнительно-историческом языкознании. Они восходят частично к XI веку и поэтому представляют первоклассный источник для научного изучения древнерусского языка. В 1995 году А.А. Зализняк, ведущий русский исследователь в этой области, собрал материал всех известных источников и опубликовал в критическом издании. Труд объемом более чем в 700 страниц, под названием "Древненовгородский диалект" [Зализняк 1995] (ср. рец.: [Witbaum 1997]), содержит, помимо собственно материала (с. 211–580), также подробный анализ языка древнего Новгорода ("Грамматический очерк древненовгородского диалекта", с. 9–210), в котором автор излагает современное состояние исследования, в том числе свои собственные результаты. Эта книга – настоящий клад для исследований по истории русского языка, довольно запущенных в советский период, как и для сравнительной славистики. В связи с этим автор повторяет также утверждение, выдвинутое уже раньше им самим [Зализняк 1988] и другими русскими исследователями (см. [Cluskina 1966; Глускина 1968; Николаев 1987; 1989; Крысько 1994а; 1994б]) о сохранении двух предположительно важных "праславянских архаизмов" в языке древнего Новгорода¹. Речь идет, во-первых, об отсутствовавшей в этом диалекте, по мнению Зализняка, палатализации велярных *g, k, x* в рамках 2-ой палатализации перед **ě, *i* дифтонгического происхождения (**g, *k, *x + ě₂, i₂* и **gv, *kv + ě₂, i₂*) и в ограниченном объеме на **i + x* (вх-), а также в связи с 3-й палатализацией и об изменении **dj, *tj* и **sj, *zj* > *g', k', x', ģ*, якобы относящемся сюда же (ср. др.-новг. диал. *кѣль* = русск. *цельный*, др.-новг. диал. *кѣль* = русск. *цен*, др.-новг. диал. *кѣдить* = русск. *цедить*, др.-новг. диал. *хѣръ* = русск. *серый*, др.-новг. диал. *къркы* = *церковь*, др.-новг. диал. *на Лугѣ, на отрокѣ*, др.-новг. диал. *моги*, повелит. 2 л. ед. числа = др.-руссск. *мози*, др.-новг. диал. *реки*, повелит. 2 л. ед. числа = др.-руссск. *реци*, др.-новг. диал. *квѣтъ* = русск. *цвет*, др.-новг. диал. *звѣзда* = русск. *звезда*, др.-новг. диал. *вѣхе/вохе* = русск. *весь*, др.-новг. диал. *рогать* = русск. *рожать*, др.-новг. диал. *сустрекать* = русск. *встречать*, др.-новг. диал. *вехать* = русск. *вешать*, др.-новг. диал. *важивать* = русск. *важивать, водить* и т.д.), во-вторых, о распространенной в древнерусском новгородском диалекте форме именительного падежа на *-e* у основ на *-o-* (др.-новг. диал. *игумене* = русск. *игумен*, др.-новг. диал. *Иване* = русск. *Иван*, др.-новг. диал. *батѣке* = русск. *батяка*, др.-новг. диал. *хлѣбе* = русск. *хлеб* и др.).

После того как уже в 1993 году, в связи с XI Международным съездом славистов в Братиславе, мы заняли принципиально критическую позицию в отношении выдвинутой

¹ Под этим подразумеваются в самом широком смысле древнерусские наречия в рамках прежних владений древнего Новгорода и Пскова, являющиеся продолжением северного фланга племенного языка (диалекта) древнерусских кривичей. Ср. об этом подробно [Зализняк 1995: 3–4].

Зализняком гипотезы о якобы не осуществленной 2-ой и 3-ей славянской палатализации в древненовгородском диалекте [Schuster-Sewc 1993], мы хотели бы еще раз вернуться к детальному рассмотрению этой проблематики на основе имеющегося сейчас в распоряжении более обширного материала и его лингвистического изучения и при этом также высказать свое мнение по пункту 2 (о формах именительного падежа существительных мужского рода на -e).

Выдвинутое первоначально в связи с работами С.М. Глускиной утверждение о якобы несостоявшемся в древненовгородском диалекте результате 2-ой, а для сочетания $i + x$ также 3-ей палатализации ("в сфере исторической фонетики главная отличительная черта древненовгородского диалекта – отсутствие эффекта так наз. второй палатализации заднеязычных" [Зализняк 1988:166²]) в дальнейшем было смягчено Зализняком в том смысле, что теперь речь идет только о несостоявшейся ассимиляции: "В северокривичском диалекте не осуществилась так наз. вторая палатализация заднеязычных, точнее *к, *г, *х в позиции перед \dot{z} и i лишь смягчились (т.е. дали [k'], [g'], [ch']), но не перешли в свистящие" [Зализняк 1995: 37]. Но и в этом случае сомнения на счет сохранения этого предположительного "(поздне)праславянского архаизма" в древних северозападнорусских диалектах отнюдь не снимаются. Прежде всего остается без ответа вопрос, почему и каким образом в этих диалектах получены те же фонетические результаты не только в связи со 2-ой и отчасти 3-ей палатализацией, но и от смягчения йотом предшествующего d , t и особенно s , z (примеры см. выше), а также аналогично в случаях zd , $zg + j > \dot{z}\dot{z}$ $> \dot{z}g^{(i)}$ и st , $sk + j > \dot{s}\dot{c}$ $> \dot{s}k^{(i)}$, ср. например, др.-русс. *дожъ* "дождь" $< do\dot{z}\dot{z}$ ($< \text{н.-е. } *d\ddot{u}sdjos$), *наѣжгъ* $< naj\dot{z}\dot{z}ja$ ($-\dot{z}\dot{z} < *zdj-$), др.-русс. *рожгъ* $< *\dot{a}rzg\dot{y}e$, русск. диал. *игришке* "нерестилище, скопленые рыбы" $< \text{игрище}$, местн. назв. *Жеремшкях* $< \text{Жеремшцѣх}$, местн.п. (др.-новг. диал.) и т.д., сюда же случаи с вторичным $\dot{z}\dot{z} < z(d)\dot{z}$, со вставным согласным d , как в др.-русс. *ражгизаемъ* $< *\dot{a}rz-\dot{z}izati$ (см. [Крысько 1994а: 33]). Мнение Крысько по этому поводу, что в сев.-русс. формах на $\dot{z}g^{(i)}$ и $\dot{s}k^{(i)}$ речь идет просто о графизмах вместо первоначального $\dot{z}d'$ и $\dot{s}t'$ ("на фоне специфических написаний с $жг$, обозначающих [ж'г']), не должна казаться особенно экстравагантной и передача [ш'т'] посредством *шк*"²), не убеждает.

В случае с палатальными заднеязычными g' , k' , полученными из праславянских сочетаний $*d + j$ и $*t + j$ (ср. русск. диал. *надѣга* $< *nadedja$, русск. *надежда*, русск. диал. *белоплекий* $< *pletj\dot{y}$), согласно Зализняку, следующему в данном случае за С.Л. Николаевым, речь должна идти равным образом о ранней стадии позднейших вост.-слав. аффрикат \dot{z} ($< \dot{z}$), \dot{c} , якобы близкой артикуляционно западнославянским рефлексам йотовой палатализации ("Таким образом, древнекривичский диалект отражает в данном пункте не что иное, как древнейшее состояние той же системы, которая характеризует западнославянские языки" [Зализняк 1988: 167]). Но это, как мы уже попытались показать в своем братиславском докладе, абсолютно исключено, поскольку аффрикаты \dot{z} ($> z$), \dot{c} , полученные из праславянских сочетаний $*d + j$, $*t + j$, не могли в западнославянских языках ни в какой период времени иметь форму, соответствующую др.-русс. диал. g' , k' . Речь может только идти о $d^{2'}$ и $t^{2'}$ которым в восточнославянском должны были бы соответствовать фонетические варианты $d^{2'}$ и $t^{2'}$. И в отношении рефлексов 2-ой и 3-ей палатализации заднеязычных в западнославянских языках не засвидетельствовано более раннее состояние, которое соответствовало бы древненовгородским данным. Последовательности звуков $*g' \dot{e}li$ и $*k' \dot{e}li$, возникшие после монофтонгизации индоевропейских дифтонгов в раннеславянском в условиях господства слогового сингармонизма, могли эволюционировать только через артикуляционные промежуточные этапы g^2/k^2 , а сочетания $*d + j$ $*t + j$ – только через промежуточные $d^{2'}$, $t^{2'}$ либо $d\dot{z}/t\dot{c}$ в исторически засвидетельствованные аффрикаты \dot{z} ($> z$), \dot{c} (зап.-слав.) или \dot{z} (\dot{z}), \dot{c} (вост.-слав.). Но допущения такого рода полностью исключены для

² Аналогичная формулировка встречается также у А. Зализняка в "Новгородских берестяных грамотах с лингвистической точки зрения" [Янин, Зализняк 1986].

сочетаний $*s + j (> \delta')$ и $*z + j (> \zeta')$, где никогда не могло возникнуть палатальных заднеязычных (x', γ') в качестве предшествующих стадий для слав. δ или ζ . Здесь совершенно очевидно происходит смешение двух различных праславянских фонетических процессов друг с другом.

Но из сказанного также ясно, что выступающие в древненовгородском диалекте, а, помимо него, в современных северно- и западнорусских диалектах (ср. [Stieber: 3–7]), палатальные g', k', x', γ' (перед гласными заднего образования позднее депалатализованные), вместо $z' (> z')$, c', \check{c}, ξ и ξ, ζ, ζ' , совершенно очевидно не могут представлять общую (позднюю) праславянскую стадию, но должны восходить – и это единственно возможный вывод – к более поздней, вторичной инновации. Последняя заключалась, по нашему мнению, в том, что упомянутые палатальные свистящие в соответствующих древнерусских диалектах (древнекривичский диалект) уже в очень раннее время (судя по данным древненовгородского диалекта, еще до XI века) изменили свой фонетический характер, причем через промежуточную стадию усиленной палатализации ("'), связанную также с совпадением артикуляции острых и глухих палатальных свистящих согласных³, произошло смещение первоначальной артикуляции (зона мягкого неба) в направлении заднего неба, что в конце концов привело к утрате спирантного артикуляционного компонента и, таким образом, к возникновению новых палатальных заднеязычных. Это касалось также первоначального $z' (> z')$ и c' в сочетаниях $zv-$, $cv-$, что однозначно подтверждают диалектные свидетельства типа $g'vezda/d'vezda$ и $k'vet/m'vet$.

В качестве непосредственного побочного эффекта этой древнерусской диалектной инновации может, по-видимому, рассматриваться и наблюдаемое уже в древнерусском обобщение веларного согласного основы (g, k, x) в сфере именной и глагольной парадигмы, ср. напр. др.-русск. *на Лугъ, на Нежкъ, реки*, повелит. 2 л. ед. числа, *помогите*, повелит. 2 л. мн. числа и т.д.

Такое же выравнивание основы частично, впрочем, известно в словацком и словенском, причем в этих языках дело не дошло до смещения палатальных свистящих согласных в зону заднего неба. Поэтому и для русского языка, скорее всего, нужно считать исходным действие соответствующего древнерусского фонетического процесса, влияющего на выравнивание основ.

Встречающиеся и в севернорусских диалектах палатальные зубные согласные d' и t' , вместо g', k' , не стоят, по нашему мнению, в непосредственной связи с развитием $*g, *k + \check{c}_2, i_2$ и $*d + j, *t + j$. При этом нельзя говорить и о "полуархаизмах", что допускал польский лингвист З. Штибер [Stieber: 4]⁴, но речь идет о более позднем фонетическом процессе, вследствие которого палатальные заднеязычные g' и k' различной древности преобразовались в палатальные зубные (d', t'). Это доказывает однозначно тем фактом, что соответствующий процесс охватил все палатальные заднеязычные согласные (в том числе и такие, которые не происходят из палатальных свистящих) и явно действует еще в настоящее время, как то доказывают примеры *нод' и < ноги, рут' и < руки, денд'и, даже т'ино < кино*.

К числу этих русских диалектных слов на $g', k' > d', t'$, явно принадлежащих к более позднему хронологическому слою, относится, по нашему мнению, и названное Зализняком [Зализняк 1995: 45] в качестве доказательства якобы архаического характера севернорусских рефлексов праславянских $*g, *k + \check{c}_2, i_2$ и $*d + j, *t + j$ финское заимствование *kaatio*, наверняка не имеющее такой древности, которую предпо-

³ Доказательством имевшего место совпадения в русских диалектах дентальных и палатальных свистящих согласных являются примеры с гиперкорректным ч, вм. ц, в русск. диал. *отец* "отец" и др.-русск. *пльвчъ чевтъ* и т.д. Ср. у Е.Ф. Карского: "Смешение ч и ц – старинная особенность новгородского говора, распространявшаяся со временем на значительном пространстве севернорусских говоров" [Карский, I: 389].

⁴ Ср. у Е.Ф. Карского: "При этом в формах типа *тенец* надо видеть полуархаизм (передвижение, наверняка позднее, праслав. k' вперед), при отсутствии аффрикатизации, которая здесь, вероятнее всего, никогда не имела место" [Там же].

лагает Зализняк («ср. в этом отношении в особенности финск. *kaatio* "ляжка", "штаны", которое реально могло быть заимствовано только от восточных славян и при этом предполагается исходный вид *gātjā*). Это слово бесспорно объяснимо как диалектный вариант сев.-русск. *гачи* < *гачи* (**gātję*), и поэтому оно могло бы быть заимствовано только после изменения *k' > t'*. То же самое развитие, как в древнесевернорусском, обнаруживают в связи с праславянскими сочетаниями **dj*, **tj/ki'* также восточносербские и граничащие с ними северномакедонские диалекты (включая македонский литературный язык), ср. примеры вроде макед. *мега* < **medja*, *сөөка* < **světja*, *нок* < **nokъ*, *макева* < **matjexa*, а также *ливаџе* < **livadъje*, *цвекџе* < *květъje*, *с-је* < **-bje*). Необходимо исключить древнюю, еще праславянскую генетическую связь между этими двумя славянскими диалектными явлениями, опираясь на чисто гипотетические промежуточные стадии задненёбных при образовании соответствующих разных аффрикат (зап.-слав. *з, с* и вост.-слав. *џ, љ*), что нами отрицается. Впрочем, возможно, что в этом случае мы имеем дело с древней общей тенденцией развития, начала которой уходят еще в позднепраславянский язык, поскольку, к тому же, язык древнерусских кривичей и в других случаях перекликается с диалектами-предшественниками южнославянских языков (ср. [Schuster-Sewc 1998: 31–50, особенно 37]).

В связи с упомянутыми формами именительного падежа на *-e* древних *-o*-основ (*изумене*, *Иванџе*, *лихе* и т.д.) Зализняк занимает не столь однозначную позицию, хотя и отдает абсолютное предпочтение возведению этого *-e* к дославянскому (индоевропейскому) («... формирование этого окончания относится не просто к дописьменной эпохе, а очень раннему периоду. Ни одна из "конкурентоспособных" гипотез не выводит др.-новг. окончание и. ед. *-e* из *-ъ*. Система "и.ед. *-e* – в. ед. *-ъ*" не могла возникнуть из такой, где эти формы уже совпали; она могла быть только продолжением (с несколько измененным внешним выражением) соответствующей индоевропейской морфологической оппозиции. Таким образом, перед нами два пути развития ранней праславянской системы, в которой у *o*-маскулин и.ед. и в.ед. еще различались: путь, где само различие было сохранено (северокривичский), и путь, где оно было утрачено (характерный для всех прочих славянских диалектов)» [Зализняк 1995: 130]). И это понятно. Потому что в соответствии с пониманием Зализняком и его соратниками предположительного отсутствия в древненовгородском диалекте 2-ой, а частично и 3-ей палатализации задненёбных в качестве объяснения диалектного окончания *-e* в именительном падеже существительных мужского рода (старые основы на *-o*) подходило только это объяснение. Но это грамматическое явление было уже раньше гораздо убедительнее объяснено А.И. Соболевским как совпадение звательного падежа с именительным [Соболевский 1907: 192]. Неверно также, когда говорят, что в других славянских языках нет надежных параллелей этому явлению. Уже Ф. Миклошич пишет об этом в своей "Сравнительной грамматике славянских языков" 1868–1874 гг.: "Der Vokativ vertritt den nominativ, ..., *nsl.* sehr selten: *mu odpisal je Adame. volksl. 2. 54. serb.* sehr häufig: *jedno bješe Vukašine kralju, pjesm. 2.26. i š njim bješe Begane serdare. 5. 385. ali ranjen zmaje odgovara. 5. 449. mače vojsku erceže Stepane. volksl. kluss. Jakže meñi ne žurit' ša, koŷy pō mpoju buŷanj koñe i rže j stanovyt' ša oj krjače, krjače, čorneñkyj voron da na htybokōj doŷnyñ: oj plače, plače moŷodyj kozače na konyku na voronom. vōd toho j šoho, od inoho čoho bože nam pomože. maksym. 1.2. 121. 146" (IV. Bd. Syntax, S. 370)⁵.*

Было бы совершенно необычно, если бы во всех этих случаях речь не шла бы об одном и том же грамматическом явлении. Оно выступает в древненовгородском диалекте благодаря многочисленным находкам на бересте лишь в более выраженной форме. Кроме того, окончание *-e* распространено здесь дополнительно также на соответствующие согласованные части речи (прилагательное, местоимение, прича-

⁵ Ср. в этом отношении и у Е.Ф. Карского: "Современная живая белорусская речь звательных в роли именительных не знает: но зато в песенной речи, как в малорусском наречии и сербском языке, подобное употребление довольно обычно" [Карский, II, 2: 160].

стие – *лихе, быле, рекле, въхе, саме* и т.д.), что, впрочем, отнюдь не столь необычно и труднообъяснимо, как полагает Зализняк (“Но чрезвычайно трудно объяснить, каким образом окончание звательной формы, актуальной лишь для части существительных, смогло вытеснить исконное окончание и. падежа не только у всех существительных, но также у местоимений, прилагательных и причастий. Едва ли можно указать какие-либо типологические аналогии подобной экспансии” [Зализняк 1995: 129]). Но непосредственную параллель находим в самом русском, где, как известно, именительный и звательный также совпали, с той разницей, что здесь наоборот звательный заменен именительным. То же самое развитие известно также в нижнелужицком (ср. *mój luby bratš*, им. и зв. пад. ед.ч.) и, вероятно, также в верхнелужицком, в котором обладающее более позднее звательное окончание *-o* (*bratro, nano, syno, wujo* и т.д.), наряду с более поздним *-e* (*bratfe, wólce*), вопреки традиционному мнению [Mucke 1891: 318], не происходит из основ на *-a*, а восходит к древнему именительному на *-o* типа др.-русск. *батько, Иванько* и т.д.

Тот факт, что в соответствующих севернорусских диалектных формах отсутствует ожидаемый эффект палатализации с последующей ассибилизацией заднебного (*братьке, дружьке*), связан как раз с тем, что и здесь первоначальные палатальные шипящие утратили свой спирантный компонент и подверглись замене палатальными заднебными (*čʷ, šʷ, žʷ > kʷ, xʷ, gʷ*), благодаря чему была усилена и тенденция выравнивания основ в рамках именной парадигмы. Проблема заключается в том, что в данном случае речь идет не о 2-ой и 3-ей палатализации, а о 1-ой палатализации, в рамках которой замена палатальных шипящих вторичными палатальными заднебными (если следовать ходу мыслей Зализняка) не засвидетельствована. Правда, в этом отношении следует обратить внимание на примеры, приводимые из севернорусских диалектов [Николаев 1987: 129–130], в которых принимаемый нами эффект депалатализации выступает также в условиях после 1-ой палатализации, ср. *выхла < вышла, сухеть, сухить < сушить, сплохить < сплошить, мокиться < мочиться, волокить < волочить, волхобница < волшебница, пороха < пороша (*porx-ja)*. Впрочем, возможно также, что в настоящем случае твердый заднебный согласный перед *e* предвзывает собой лишь результат проведенного выравнивания основ под влиянием случаев вроде на *Лугъ, на Нежке*.

Все прочие возможности объяснения этого интересного древнерусского грамматического феномена, обсуждаемые Зализняком, не выдерживают серьезной научной проверки. Это касается и попытки возвести древнерусское номинативное окончание *-e* в связи с работой [Vermeert 1994] к именительному падежу древних основ на *-jo-* ([Крысько 1994б: 20]: “...как результат присущего древненовгородскому диалекту влияния мягкой разновидности на твердую (*батьке < *batъko* под влиянием *коне*”). В двух свидетельствах, названных им в качестве возможных доказательств – *муже* и *Гюрге* – речь могла бы идти, по нашему мнению, просто о более поздних вторичных (письменных) формах, в которых флексия *-e* употреблена под влиянием древних твердых основ на *-o*. Помимо прочего, окончанием именительного падежа основ на *-jo-* было *-ъ* (< и.е. **-jos*), а не *-e*, которое тоже предполагает смягчение предшествующего согласного, которого, однако, не произошло.

Согласно Зализняку [Зализняк 1995: 128], дальнейшее доказательство представляемой им гипотезы дославянского происхождения окончания *-e* следует из того факта, что древненовгородский диалект обнаружил не только материальные, но и структурные отличия от остальных славянских языков, поскольку в нем, как повсеместно в индоевропейском, с самого начала существовало четкое различие между именительным и винительным падежами (“Отсюда следовало, что в др.-новг. диалекте склонение *o-masculina* отличалось от остальных славянских диалектов не только материально [*-e* вместо *-ъ*], но и структурно: здесь сохранилась свойственная древним индоевропейским языкам оппозиция и. ед. муж. и в. ед. муж. (подобно греч. *λύκος – λύκω* санскр. *rāt-*

hañ – rátham и т.д.), тогда как в остальном славянском мире и ед. и в. ед. муж. совпали [ср. ст.-сл. ГРАДЪ, станд. др.-р. *gorodъ* и т.д.]⁶). Но это явный порочный круг, поскольку исходным является предвзятое мнение, что в древнерусских формах типа *Иванъке, хлѣбе* и т.д. представлены изначальные номинативные формы, что отнюдь не доказано.

С нашей концепцией вторичного, а не праславянского характера встречающихся в древненовгородском диалекте палатальных заднебных согласных *g', k', x'* (*γ'*) в связи со 2-ой и, частично, также 3-ей палатализацией, а также с развитием **d + j*, **t + j* и **s + j*, **z + j*, равным образом – с толкованием окончания *-e* в именительном пад. существительных мужского рода как внутреннего падежного выравнивания в севернорусском, естественно, связана и особая позиция в отношении утверждения Зализняка о том, что язык древних севернорусских кривичей не был собственно восточнославянским диалектом, но что в ряде случаев его надлежит возводить непосредственно к праславянскому, то есть в известном смысле это был особый славянский диалект (“В целом древненовгородский предстает как сильно обособленный славянский диалект, отличия которого от других восточнославянских диалектов в части случаев восходят к праславянской эпохе” [Зализняк 1995: 51]). Однако подобное допущение, не говоря уже о неприемлемых, на наш взгляд, лингвистических аргументах, едва ли состоятельно и по историческим соображениям. Ибо это означало бы, что праславяне-носители древнесевернорусского кривичского диалекта должны были отделиться от совокупности праславянского этноса еще до начала позднепраславянской фонетической эволюции, связанной со 2-ой и 3-ей палатализацией, то есть самое позднее – до II–III веков н.э., и занять свои позднейшие места расселения в районе современного Пскова и Новгорода. Но это весьма невероятно, поскольку вряд ли прослеживается также археологически и исторически. Все говорит о том, что интенсивный процесс миграции праславянских племен в новые места обитания начался едва ли раньше VI в. (ср. также [Седов 1994: 9–10]). С другой стороны, бесспорно, что (древне)русские диалекты Пскова и Новгорода представляли собой особую северозападнорусскую диалектную группу, отличавшуюся рядом языковых особенностей, неизвестных прочим русским (восточнославянским) диалектам. Речь идет:

(1) о диссимильтивном рефлексе праславянских групп согласных **dlf' tl > gl, kl'*, альтернативно – в виде рефлекса *l* (известно также в нижнелужицком [Schuster-Sewc 1997: 252–253], среднесловацких диалектах [Ondrus 1962: 70–74], а в отдельных случаях и в польском [Taszycki 1961: 259–274]);

(2) о так называемом “цокании” (известном также в нижнелужицком, полабском и польском, в последнем – в связи с переходом *š, ž > s, z*);

(3) о широкой *ä*-образной артикуляции праслав. **ě* (известной также в лехитском, болгарском и в ослабленной форме также в нижнелужицком [Schuster-Sewc 1998]);

(4) о так называемом “вторичном полногласии” (известном в аналогичной форме также в польском, верхне- и нижнелужицком [Schuster-Sewc 1997: 259]);

(5) о существовании славянского диалектного личного окончания *-me* (известно также в чешском и словацком, болгарском, македонском и диалектно – в нижнелужицком [Schuster-Sewc 1998: 37]);

⁶ Приводимое в этой связи Зализняком севернорусское название рыбы *клец* “лещ *Cyprinus brama*” проблематично, поскольку в нем начальное *kl-*, вероятно, изначально, ср. также польск. *leszcz* наряду со ст.-польск. *kleszcz* и н.-луж. *klešć* “вид леща *Abramis brama*”, Чешская форма *dlešť* имеет вторичное *dl-*, как свидетельствует вариантность чеш. *tlama* “морда, пасть”, *tleskati* “хлопать”, при в.-луж. *klama, kleskać*, н.-луж. *klaskaš*. Кроме того, в верхнелужицком в отличие от нижнелужицкого, переход *tl > kl* совсем не известен. По нашему представлению, реконструируемое *klešć* основано на и.-с. **kleik-* “жать, давить, мять, ущемлять” (ср. [Pokorny 1949–1959: 602]). Отпадение начального *k-* в польск. *leszcz*, русск. *лещ* в таком случае объясняется, как в польск. *leszczotki* “расщепленное дерево для кастрирования животных”, наряду с *kleszczyc* “кастрировать” или польск. диал. *leszczęć* “звенеть, звучать”, русск. диал. *лещать, лещкать* “хлопать, шлепать”, при в.-луж. *kleskać* “сплетничать, болтать”.

(6) о встречающихся наряду с формами полногласия отдельных свидетельствах простой метатезы плавных **TāIT*, **Tārt* > *TloT*, *TroT* (вместе с польским и серболужицким);

(7) о существовании причастий наст. вр. действ. на -*ja* < **ǝ* (*река, веда*), известных в такой форме также в серболужицком (в.-луж. *wjedžo* < **vedę*, н.-луж. стар. *chwataje* < **xwataję*) и старосербском (*несе, може*);

(8) об общем праславянском лексическом диалектизме **stǫrvъ* (др.-русс. *сторовъ* “здоровый”, в.-луж., н.-луж. *strowy* и ст.-польск. *strowy*) и др.

Относительно древними и хронологически тоже, возможно, близкими к названным позднепраславянским инновациям являются, естественно, также древнерусский переход *č, š, ž > k', x', g'* и совпадение звательного с именительным падежом основ на -*o*, тоже с возможными параллелями в диалектах-предшественниках южнославянского (македонский, сербохорватский).

Названные выше диалектные особенности древнесевернорусского диалекта Пскова и Новгорода, отличные от собственно восточнославянского (причем речь идет не только о более поздних типологических соответствиях), объяснимы, по нашему мнению, только таким образом, что лежащие в их основе праславянские диалекты-предшественники находились в рамках славянской прародины в диалектной зоне, в которой, наряду с диалектами-предшественниками позднейшего восточнославянского, участвовали также диалекты-предшественники лехитского (особенно восточнолехитского), серболужицкого, а также частично – позднейшего южнославянского. Аналогичную концепцию, впрочем, выдвигали уже такие русские лингвисты, как А.А. Шахматов [Шахматов 1913: 5] и А.И. Соболевский [Соболевский 1912: 48].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Глушкина С.М. 1968 – О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) // Псковские говоры. Псков, 1968.
- Зализняк А.А. 1988 – Древненовгородский диалект и проблемы членения позднего праславянского языка // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. София, сентябрь 1988 г. Доклады советской делегации. М., 1988.
- Зализняк А.А. 1995 – Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Карский Е.Ф. – Белорусы. Т. I. Варшава, 1904; II. Вып. 2. Варшава, 1911.
- Крысько В.Б. 1994а – Заметки о древненовгородском диалекте. II палатализация // ВЯ. 1994. № 5.
- Крысько В.Б. 1994б – Заметки о древненовгородском диалекте. *Varia* // ВЯ. 1994. № 6.
- Николаев С.Л. 1987 – Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. 1: Кривичи // Балто-славянские исследования. 1986. М., 1987.
- Николаев С.Л. 1989 – Кривичи (окончание) // Балто-славянские исследования. 1987. М., 1989.
- Седов В.В. 1994 – Восточнославянская этноязыковая общность // ВЯ. 1994. № 4.
- Соболевский А.И. 1907 – Лекции по истории русского языка. М., 1907.
- Соболевский А.И. 1912 – Лингвистические и археологические наблюдения. Вып. II. Варшава, 1912.
- Шахматов А.А. 1913 – К вопросу о польском влиянии на древнерусские говоры // РФВ. 1913. № 1.
- Янин В.Л., Зализняк А.А. 1986 – Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986.
- Birnbaum H. 1997 – *International journal of Slavic linguistics and poetics*. V. 41. 1997.
- Glushkina Z. 1966 – О drugiej palatalizacji tylnojęzykowych // *Slavia orientalis*. T. XV. № 1. 1966.
- Mücke K.E. 1891 – Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen (niederlausitzisch-wendischen) Sprache. Mit besonderer Berücksichtigung der Grenzdiaklekte und des Obersorbischen. Leipzig, 1891.
- Ondrus P. 1962 – *Zmena tl, dl na kl, gl v stredoslovenských nárečiach* // *Jazykovedný časopis*. 1962. R. XIII. Č. 1.
- Pokorny J. 1949–1959 – *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern; München, 1949–1959.
- Schuster-Sewc H. 1993 – Noch einmal zur Datierung und zu den Ergebnissen der 2. Palatalisation der Velare im Slawischen mit besonderer Berücksichtigung des Altrussischen // *Slavistische Studien zum XI internationalen Slavistenkongress in Pressburg / Bratislava, Köln; Weimar; Wien, 1993*.

- Schuster-Šewc H.* 1997 – Die Wirkung des Gesetzes der Silbenöffnung im Späturslawischen und seine Rolle bei der Herausbildung slawischer Mikrodiaklekte // *ZfSl.* V. 42. 1997.
- Schuster-Šewc H.* 1998 – Die späturslawischen Innovationen und ihre Widerspiegelung in der Isoglossenstruktur des Sorbischen (ein Beitrag zur Dialektologie des Späturslawischen) // *Lët.* 45. 1. 1998.
- Stieber Z.* – Druga palatalizacja tylnojęzykowych w świetle atlasu dialektów rosyjskich na wschód od Moskwy // *RS.* Roč. XXIX. Ses. 1.
- Taszycki W.* 1961 – O gwarowych formach mgleć, mgły, moglić się itp. Rozdział z historycznej dialektologii polskiej // *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej II.* Перепечатано в: W. Taszycki. Rozprawy i studia polonistyczne II. Wrocław, 1961.
- Vermeer W.* 1994 – On explaining why the Early North Russian nominative singular in *-e* does not palatalize stem-final velars // *RLing.* 1994. № 2.